

Глава 4. Лекарь

В лесу за это время стало темно, как в погребу.

Е Ишу невольно сжал губы и ускорил шаг, направляясь к месту, откуда доносился звук. Пройдя с десятков метров, он снова услышал крик о помощи. Выхватив из-за пояса топор, он крепче стиснул рукоять и, стараясь не шуметь, двинулся дальше.

Подойдя к краю ловушки, он увидел внизу мерцающий алый огонёк. Едва он собрался подать голос, как вспыхнуло пламя. При виде огня напряжённые плечи Е Ишу незаметно расслабились. Выждав пару мгновений, он присел на корточки у края ямы и заглянул внутрь, на человека с огнём в руке.

Тёплый жёлтый свет, колеблясь от ветра, едва освещал небольшое пространство. На дне ямы, у самого огня, сидел мужчина в простой синей одежде. Его длинные волосы были в беспорядке, но сами пряди блестели, словно шёлк. Черты лица были холодными и строгими, отчего он походил на одинокого журавля.

Мужчина окинул его ледяным взглядом, но, видимо, поняв, что перед ним не разбойник, в его глазах промелькнула лёгкая улыбка, и весь его облик тут же смягчился.

Е Ишу заметил опрокинутую плетёную корзину, из которой вывалилась мотыга, а рядом на земле валялись выпачканные в грязи травы. Картина прояснилась. Он уже собирался заговорить, когда лекарь, опёршись о стену ямы, нетвёрдо поднялся на ноги и, медленно поднимая огниво, посмотрел вверх.

В глазах Е Ишу промелькнуло недоумение.

Он увидел, как лекарь, разглядев его лицо, быстро отвёл взгляд, а затем посмотрел на свою испачканную одежду. «Наверное, он удивлён, что я гээр», — подумал Е Ишу.

Заметив, что лекарь странно держит ногу, Е Ишу спросил:

— Ранен?

— Вывихнул. Заживёт, — ответил Сун Чжэньцинъ.

— Я выгашу тебя.

Сказав это, он протянул руку.

Сун Чжэньцзинь посмотрел на его мозолистую ладонь, отступил на шаг и сначала протянул ему свою корзину. Е Ишу принял её, отставил в сторону и снова протянул руку.

Сун Чжэньцзинь стоял в яме не двигаясь. Длинные волосы спадали на спину, а деревянная шпилька в причёске вот-вот готова была выпасть. И хотя вид у него был довольно плачевный, он всё равно оставался приятен глазу.

— Ты не сможешь меня вытащить, — сказал он.

— Не попробуешь — не узнаешь, — Е Ишу пошевелил пальцами, торопя его. — Быстрее, я домой спешу.

Сун Чжэньцзиню ничего не оставалось, как, обернув руку рукавом, взяться за предложенную ладонь.

Е Ишу, заметив ткань, разделяющую их ладони, ничего не сказал, а лишь крепче сжал руку и потянул. Сун Чжэньцзинь, поддавшись силе, оттолкнулся здоровой ногой от стены ямы. Когда он почти выбрался наружу, Е Ишу, которому стало неудобно тянуть, просто перехватил его другой рукой за пояс и вытащил наверх.

Сун Чжэньцзинь, не ожидавший такого, потерял опору и чуть не упал прямо на Е Ишу. Тот придержал его за руку и отпустил, лишь когда лекарь твёрдо встал на ноги.

Сун Чжэньцзинь поспешно поправил съехавший пояс и, только когда его бешено колотящееся сердце немного успокоилось, сложил руки в знак благодарности.

Е Ишу отряхнул ладони.

— В этих горах только мы, охотники, бываем. То, что ты упал, и моя вина тоже. Ты можешь идти?

Сун Чжэньцзинь пошевелил лодыжкой.

— Могу.

— Вот и хорошо. — Е Ишу посмотрел прямо в глаза Сун Чжэньцзиню и не отводил взгляда, пока тот, смутившись, не моргнул несколько раз и не отвёл глаза.

Убедившись, что от него не потребуют возмещения ущерба, Е Ишу со спокойной душой привёл ловушку в порядок, замаскировал её и воткнул рядом наклонённый бамбуковый шест. Этот шест стоял здесь и раньше — как для него самого, так и для предупреждения других. Кто же знал, что этот неудачник будет бродить по горам в темноте, иначе не свалился бы.

Закончив с ловушкой, Е Ишу увидел, что лекарь всё ещё стоит, прислонившись к дереву.

— Ты не уходишь? — спросил он.

Сун Чжэньцзинь покачал огнивом в руке, и пламя тоже качнулось.

Е Ишу всё понял.

— Спасибо.

Сун Чжэньцзинь кивнул, принимая благодарность.

— Меня зовут Сун, я из деревни Шанчжу. Пришёл в горы за травами и случайно сломал твою ловушку. Прошу прощения.

— Я тебя прощаю, — серьёзно ответил Е Ишу.

Сун Чжэньцзинь вдруг улыбнулся. Ему ещё не встречались гээр с таким характером... хотя нет, один раз всё же встречался. Он молча смотрел в глаза юноши, и его улыбка стала глубже.

Он назвал своё имя и думал, что юноша уйдёт, но Е Ишу вместо этого опустился перед ним на одно колено.

— Ты доктор Сун?

— Смотря какого доктора Суна ты имеешь в виду, — ответил тот.

— Из уезда, из Цзидэ-тана. — Е Ишу не сводил глаз с огнива в его руке.

— Это я, — подтвердил Сун Чжэньцзинь.

— Ты живёшь в деревне Шанчжу? — снова уточнил Е Ишу.

— Да.

Услышав, что юноша упомянул Цзидэ-тан, он предположил, что тому нужна медицинская помощь, но вид у гээр был вполне здоровый...

Е Ишу уловил едва заметный аромат лекарств, и его напряжение немного спало. Он поднял

голову и сквозь просветы в кронах деревьев посмотрел на небо, усыпанное яркими звёздами. На небосклоне уже показался серп луны. Время было позднее.

Он встал.

— Не знаю, будет ли доктор Сун свободен завтра. Я хотел бы попросить вас осмотреть мою матушку.

— К сожалению, завтра мне нужно рано утром ехать в уезд. А вот послезавтра я буду свободен и останусь дома.

Деревня Шанчжу была соседней, и до неё было гораздо ближе, чем до уезда.

— Тогда послезавтра я приведу к вам свою матушку.

Сун Чжэньцин, хоть и казался худощавым, был на полголовы выше Е Ишу. Когда он встал, его тень накрыла юношу, и тот невольно отступил на полшага.

— Хорошо, приходи послезавтра.

Разговаривая, Е Ишу ещё раз взглянул на ногу Сун Чжэньцина. Убедившись, что тот может идти, он сказал:

— Тогда я пойду.

Сун Чжэньцин мягко кивнул.

Юноша, сказав, что уходит, тут же развернулся и зашагал прочь, ступая по горной тропе так уверенно, будто шёл по ровной дороге. Лишь когда он скрылся из виду, Сун Чжэньцин повернулся и направился в другую сторону.

Две деревни находились рядом, и их жители часто общались. Во время приёмов Сун Чжэньцин не раз слышал, как люди обсуждали одного своевольного гээр из деревни Сялинь. Сегодня он убедился, что это был именно тот, кто стоял перед ним.

Он вспомнил, как, подняв голову из ямы, впервые увидел этого юношу. Самым сильным впечатлением были его глаза — очень тёмные и острые. Но Сун Чжэньцин почему-то разглядел в них страх.

Возможно, он боялся темноты.

Эту тропу в лесу у деревни Сялинь Е Ишу исходил если не тысячу, то сотни раз точно. Он торопливо покинул лес. Вернувшись домой с пустым мешком, он увидел во дворе отца, который только что сбросил последнюю партию сжатого риса. Младший брат отставил в сторону корзину с серпами и мешками, в которой также лежали собранные им за день колосья. Мать в одиночестве готовила на кухне, сбиваясь с ног от усталости.

Дед сидел на скамье под навесом и курил трубку. Бабушка, увидев его возвращение и пустой мешок, даже не удостоила его взглядом. Из западной пристройки доносились детские голоса — вернулась младшая тётя, но она пряталась в своей комнате, ожидая, когда её позовут к ужину.

Е Ишу не раз видел подобную картину. Он равнодушно бросил мешок, зашёл в свою комнату, чтобы проверить, всё ли на месте, и, взяв несколько укрепляющих трав, направился на кухню.

Увидев его, Ши Пулю, чьё лицо обычно было печальным, тут же улыбнулась.

— Мама, добавляй эти травы в суп, они полезны для здоровья.

Ши Пулю сразу поняла, что это для неё.

— Опять деньги потратил. Мама в порядке, это... это можно вернуть?

Она знала, как нелегко сыну даются деньги. После того как он отдавал долю в общую казну, в кармане у него оставалось всего несколько монет. Она мечтала, чтобы сын скопил побольше денег на приданое, тогда семья мужа не будет его презирать. От этих мыслей у Ши Пулю защемило сердце. Она отвернулась и утерла слёзы краешком рукава.

Когда её мачеха договаривалась о свадьбе, она заломила выкуп в десять лянов серебра. Свекровь не соглашалась, и мужу пришлось копить самому. Когда он, наконец, собрал нужную сумму, мачеха не дала ей никакого приданого. Она лишь позволила ей взять две смены одежды и отправила в семью Е с двумя пустыми сундуками. Свекровь, узнав об этом, в день свадьбы обругала её, а потом побежала к мачехе и устроила скандал, силой отобрав пять лянов серебра.

За почти двадцать лет в семье Е Ши Пулю свыклась с мыслью, что все её унижения — из-за отсутствия приданого и поддержки со стороны родни. Она могла терпеть, но не хотела такой же участи для своего сына.

Она взяла травы и, завернув их, решила не трогать. Е Ишу, видя это, хотел было её переубедить, но не успел он и слова сказать, как снаружи раздался голос Ли Сынян:

— Велел положить — клади! Не ценишь заботу сына, не знаешь своего счастья!

Е Ишу бросил на неё такой взгляд, что Ли Сынян, вечно подслушивающая у кухни, тут же замолчала.

— Быстрее, все голодны! — крикнула она и, развернувшись, ушла.

Е Ишу сел у очага подбрасывать дрова. Видя, что мать всё ещё стоит в замешательстве, он попытался её утешить:

— Мама, поверь, я смогу заработать... Но я не хочу, чтобы, когда у меня появятся большие деньги, ваше с отцом здоровье было подорвано. Тогда мне придётся беспокоиться ещё больше, чем сейчас.

Глаза Ши Пулю наполнились слезами, и она всхлипнула:

— Это я виновата.

— Я хочу, чтобы вы оба были здоровы и жили долго, — вздохнул Е Ишу.

— Брат... — в дверях появился сонный малыш, протирая глаза.

Ши Пулю быстро вытерла слёзы, погладила младшего сына по голове и, проворно сняв крышку с котла, принялась мыть вок и жарить овощи.

Е Ишу позвал Доумяо сесть рядом и, порывшись в кармане, протянул ему конфету. Глаза малыша заблестели, и сон как рукой сняло.

— Братик, — сладко пропел он и, сложив ладошки лодочкой, протянул их Е Ишу.

Е Ишу, убедившись, что руки у него чистые, положил конфету ему на ладонь.

— Ешь скорее, — прошептал он.

Малыш не двинулся с места.

— А братик ел?

— Ел.

Получив ответ, он, отвернувшись от двери, быстро развернул обёртку и положил сладкий леденец в рот. Е Ишу смотрел, как его щёки раздуваются, и, с улыбкой прикрыв глаза, с

наслаждением вздохнул. Он ласково взъерошил ему волосы.

— У меня ещё есть, но в день только по одной.

Доумяо закивал и, прижавшись к плечу Е Ишу, пробормотал:

— Спасибо, братик!

Е Ишу, почувствовав кислый запах пота от его волос, брезгливо отстранил его голову.

— Вечером не забудь вымыть голову, а то вши заведутся.

Ши Пулю, наблюдая за ними, улыбнулась. Если и было что-то, о чём она не жалела, выйдя замуж в семью Е, так это о рождении этих двух детей.

Когда ужин был готов, Доумяо и Е Ишу помогли накрыть на стол. Семья младшего дяди была в сборе, и если бы не привычка деда устанавливать за столом строгие правила, то к тому времени, как они бы сели, на столе уже ничего бы не осталось.

Как обычно, первым к еде притронулся старик, и только потом начали есть остальные. Вчера Е Ишу принёс маленького кролика, немного диких ягод и яиц. Он знал, что бабушка, скорее всего, оставит кролика, чтобы тот подрос, поэтому сегодня единственным мясным блюдом на столе была старая вяленая свинина, жаренная с капустой. В свинине было много жира, и его мать, искусная в нарезке, нарезала её на ровные тонкие ломтики.

Из-за жатвы в последние дни на столе стало появляться мясо. Но без добычи Е Ишу сегодня им пришлось лишь смотреть на него. Бабушка достала кусок вяленого мяса шириной в полпальца и длиной с палец. Нарезав его, она получила не больше десяти ломтиков. Дед одним движением палочек подцепил четыре ломтика вместе с капустой. Бабушка тут же последовала его примеру и взяла три. Е Ишу сидел дальше всех и не мог дотянуться. Доумяо был немного ближе, но в схватке с младшей тётёй и дядей ему удалось урвать лишь один кусок.

Одно движение палочек — и мяса как не бывало. Из всей его семьи только Доумяо попробовал вяленое мясо. Что до отца и матери, то им было достаточно одного взгляда бабушки, чтобы не сметь и шелохнуться. Нельзя их винить: обоих с детства угнетали, и то, что они изредка могли постоять за своих сыновей, уже было большим достижением.

Е Ишу не требовал от родителей многого. Что до брата, Е Ишу радовался, что тот не вырос робким и забитым, иначе его будущее было бы предрешено.